

Б. Н. Тихомиров
(Литературно-мемориальный музей
Ф. М. Достоевского в СПб.)

**«...Повесть, трогательная и умильная,
о прекрасной Эсфири и надменной Вастии»
(из комментариев к роману
«Братья Карамазовы»)***

В романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», в главке «О Священном Писании в жизни отца Зосимы» из главы II Книги шестой «Русский инок», старец Зосима, рассуждая о необходимости для народного просвещения чтения священниками Библии простолюдинам, в частности, говорит: «Попробуйте прочтите ему (народу. — Б. Т.) далее повесть, трогательную и умильную, о прекрасной Эсфири и надменной Вастии...»¹ В примечаниях Полного собрания сочинений Достоевского к этому месту дан вполне исправный комментарий: «Имеется в виду библейский рассказ о двух женах царя Артаксеркса. Первая жена Артаксеркса, Вастия (русская форма — Астинь), не захотевшая

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Проект 18-012-90019 Достоевский.

Автор выражает сердечную благодарность за профессиональные консультации магистру богословия Виктору Степановичу Ляху — старшему научному сотруднику Института перевода Библии им. М. П. Кулакова при Заокской духовной академии.

¹ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1976. Т. 14. С. 267. Далее тексты Достоевского цитируются по этому изданию с указанием при цитатах в скобках тома и страницы (для томов 28—30 также указывается номер книги).

прийти по просьбе царя на пир, „чтобы показать народам и князьям красоту“ свою, была наказана Артаксерксом за надменность и непослушание. Вместо нее царь выбрал себе в жены кроткую и разумную Эсфирь (см.: Книга Эсфирь)» (Т. 15. С. 566).

Всё, казалось бы, правильно, но возникает вопрос: каково происхождение варианта имени царицы, употребленного старцем Зосимой, — *Вастия*? Из приведенного комментария, пожалуй, можно заключить (по умолчанию), что такой вариант присутствует в славянской Библии. Однако при проверке обнаруживается, что и там ветхозаветная героиня именуется *Астинь* («И астинь царица сотвори пирь женамъ въ дому царевѣ...» — Есф. 1: 9).² Так откуда же взялась *Вастия*?

При обращении к истории переводов Священного Писания обнаруживается, что такой вариант имени жены Артаксеркса фигурировал в некоторых древнейших рукописных сборниках ветхозаветных книг, а также в тексте Книги Эсфирь, включенном в первый в истории славянской письменности полный свод книг Ветхого и Нового Заветов на церковнославянском языке, именуемый Геннадиевской Библией (1499). По причине малодоступности указанных рукописных памятников сошлюсь на цитату, приведенную в словарной статье «Скривити (Съкривити)» Словаря русского языка XI—XVII вв.: «Не цсрю единому съкривила **Вастии** цсря (Есф. I, 16)», с указанием источника: «Кн. Эсфирь, 135. XIV—XV вв.».³ Такой вариант обусловлен тем, что этот древнейший перевод Книги Эсфирь был сделан с еврейского языка⁴ и в передаче имени

² Здесь и далее в цитатах полужирные выделения принадлежат автору статьи.

³ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 2000. Вып. 25. С. 21 (в синодальном переводе: «...не пред царем одним виновна царица Астинь»; в церковнославянском: «...не царя единого обидѣ астинь царица»).

⁴ См.: *Рождественский И. Г.* Книга Эсфирь в текстах: еврейском — масоретском, греческом, древнем латинском и славянском. Исследование. СПб., 1885. С. 195—196.

царицы следует масоретскому тексту, где героиня именуется *Вашти*.⁵ Однако начиная уже с Острожской Библии (1581) и в последующей традиции изданий Ветхого Завета на церковнославянском языке, включая Елизаветинскую Библию (1751), донныне употребляемую Русской православной церковью, Книга Есфирь переводилась с текста Септуагинты,⁶ в котором еврейская Вашти предстает в греческом обличе — *Астинь* (Ἀστίν).

Мы должны абсолютно исключить возможность знакомства Достоевского с текстом Геннадиевской Библии, как и с древнейшими рукописными сборниками, включавшими Книгу Есфирь. Да и зачем потребовалось бы автору «Братьев Карамазовых» так архаизировать имя ветхозаветной царицы в речах старца Зосимы? Так что обозначенная выше проблема сохраняет свою остроту.

В той же главке «О Священном Писании в жизни отца Зосимы» духовный наставник Алеши Карамазова делает такое признание: «К воспоминаниям же домашним причитаю и воспоминания о священной истории, которую в доме родительском, хотя и ребенком, я очень любопытно знал. Была у меня тогда книга, священная история, с прекрасными картинками, под названием: „Сто четыре священные истории Ветхого и Нового Завета“, и по ней я и читать учился. И теперь она у меня здесь на полке лежит, как драгоценную память сохраняю» (Т. 14. С. 264).

Давно установлено, что здесь имеется в виду переведенная с немецкого языка книга Иоганна Гибнера «Сто четыре священные истории Ветхого и Нового Завета», бывшая в семейной библиотеке Достоевских в детские годы писателя. Иллюстрированное издание книги И. Гибнера упоминается уже в первой посмертной биографии Достоевского,

⁵ Также см. цитату («яко не пришла **Вастія** предъ царь **Ах**») из древнейшего рукописного сборника, более раннего, нежели Геннадиевская Библия, приведенную в монографии: *Рождественский И. Г.* Книга Есфирь в текстах: еврейском — масоретском, греческом, древнем латинском и славянском. С. 199.

⁶ См.: Там же. С. 208, 216.

составленной О. Ф. Миллером.⁷ По авторитетному свидетельству жены писателя в примечании, сделанном ею на полях романа «Братья Карамазовы» в 7-м издании Полного собрания сочинений Достоевского (СПб., 1906. Т. 12. С. 308), именно по этой книге маленький Федя «учился читать».⁸ Младший брат писателя Андрей вспоминал, что в последние годы жизни Достоевскому «удалось разыскать этот же самый экземпляр книги» и он берег его «как Святыню»⁹ (предположительно, писатель обнаружил книгу своего детства в семье сестры Веры Михайловны во время посещения Дарового летом 1878 года.¹⁰).

Несмотря на эти свидетельства, книга Гибнера почти совершенно обойдена исследовательским вниманием. В примечаниях Полного собрания сочинений Достоевского даже ошибочно назван переводчик «Ста четырех священных историй...» (Матвей Соколов) (см.: Т. 29, кн. 2. С. 214). Переводы книги Гибнера издавались в России с 1770 по 1859 год более двадцати раз и выходили в четырех переводах: М. Соколова (1770—1803), В. Богородского (1798—1832), И. Висковатова (1818) и П. Яновского (1832—1859). Иллюстрированных изданий среди них было всего несколько. В каталоге собрания А. Г. Достоевской, хранившегося в московском Историческом музее, зарегистрировано два издания книги Гибнера — оба в переводе В. Богородского (1815 и 1819 годы).¹¹ Недавно установлено, что одно из них,

⁷ См.: Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883. С. 18 (1-я pag.).

⁸ Примечания А. Г. Достоевской к сочинениям Ф. М. Достоевского / Публ. Т. В. Панюковой // Неизвестный Достоевский: Электронный научный журнал. 2016. № 2. С. 126 [Электронный ресурс]. URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1468928687.pdf; дата обращения 11.07.2020.

⁹ *Достоевский А. М.* Воспоминания. М., 1992. С. 66. Уточнено по автографу (РО ИРЛИ. Ф. 56. Оп. 1. № 1. С. 84).

¹⁰ См.: Тихомиров Б. Н., Тихомирова Н. А. Так какое же издание книги И. Гибнера мог читать в детстве Достоевский? // Достоевский и мировая культура: альманах. СПб., 2018. № 36. С. 23—24.

¹¹ См.: *Достоевская А. Г.* (сост.) Музей памяти Федора Михайловича Достоевского в Императорском Российском Историческом Музее имени Александра III в Москве. 1846—1903. СПб., 1906. С. 276, 320.

находящееся в фондах Государственного музея истории русской литературы им. В. И. Даля (предположительно, 1819 года), является мемориальным экземпляром — тем самым, по которому Достоевский «учился читать».¹²

И именно при обращении к тексту «Ста четырех священных историй...» — книги детства писателя, которую он, разыскав как раз в период начала работы над «Братьями Карамазовыми», «берег как Святыню» и которая у его персонажа, старца Зосимы, также сохранялась в келье на полке «как драгоценная память», — находит решение означенная выше проблема «надменной Вастии». Так именуется персидская царица, жена царя Ассиура (Артаксеркса), в Истории ХLI «О Эсфири» первой части книги Гибнера: «Однажды царь, развеселясь, послал за царицею **Вастиею**, чтоб она пришла к нему во всем царском убранстве. Сие сделал он, желая показать красоту ее вельможам и народу. Но надменная **Вастия** не исполнила его воли. <...> Царь отринул от себя гордую супругу и запретил ей казаться к себе на глаза».¹³

Русский переводчик в передаче имени первой жены Ассиура, очевидно, следовал за немецким оригиналом книги Гибнера, где в соответствии с традицией Вульгаты имя царицы читается как *Vasthi*. Можно дополнительно отметить, что Василий Богородский, в переводе которого «Сто четыре священные истории...» находились в домашней библиотеке Достоевских, повторил в данном случае вариант имени ветхозаветной героини, употребленный его предшественником — Матвеем Соколовым, в переводе которого книга Гибнера впервые вышла еще в 1770 году.

Следует также указать, что в каноническом тексте Библии мотив отказа жены Артаксеркса явиться на пир по приказанию мужа никак не поясняется: «Но царица Астинь

¹² Подробнее см.: *Тихомиров Б. Н., Тихомирова Н. А.* Так какое же издание книги И. Гибнера мог читать в детстве Достоевский? (Статья вторая). С. 9—24.

¹³ *Гибнер И.* Сто четыре священные истории Ветхого и Нового Завета... СПб., 1819. С. 190—191.

не захотела прийти по приказанию царя, объявленному через евнухов / И не послуша его астинь царица прийти со евухи» (Есф. 1: 12). *Психологическое* объяснение ее поступка восходит именно к «Ста четверем священным историям...», причем старцем Зосимой употреблен эпитет, буквально заимствованный из книги Гибнера: «надменная Вастия». Равно и эпитет «прекрасная Эсфирь» также восходит к этому источнику («Между девицами была и прекрасная иудеянка, по имени *Есфирь*»), в то время как в библейском тексте (Есф. 2: 7) читается: «Девица эта была красива станом и пригожа лицом» / «и бяше дѣвица красна и доброзрачна» (*цсл.*).

Можно предположить, что тексты «Ста четырех священных историй...», в том числе и рассказ «О Есфири», были памятны Достоевскому еще с детских лет. Методические рекомендации, изложенные Гибнером в авторском предисловии, предписывали такой характер ознакомления детей с книгой, при котором тексты должны были надолго сохраняться в памяти: «Малые дети могут учить из ней еженедельно по одной истории и таким образом кончить ее в два года; но возрастные, с которыми можно проходить по две истории (в неделю. — *Б. Т.*), оканчивают ее в год».¹⁴ Федя Достоевский, который по «Ста четверем священным историям...» «учился читать», должен был быть неразлучен с этой книгой в течение по крайней мере двух лет. И тексты, как следует из авторского предисловия, предполагалось заучивать едва ли не наизусть.

Однако буквально точное воспроизведение старцем Зосимой сочетаний «надменная Вастия» и «прекрасная Эсфирь», напрямую восходящих к тексту «Ста четырех священных историй...», позволяет дополнительно утверждать, что Достоевский обращался к книге Гибнера и перечитывал ее в конце 1870-х годов, в процессе творческой работы над романом «Братья Карамазовы».

¹⁴ Гибнер И. Сто четыре священные истории Ветхого и Нового Завета... С. VIII.

Содержание Книги Есфирь представлено в «Ста четырех священных историях...» весьма своеобразно. Единое библейское повествование разбито здесь на два отдельных рассказа (История ХLI «О Есфири» и История ХLII «О Амане»), причем в первом рассказе Гибнер ограничился только двумя начальными главами, повествующими об опале Вастии и избрании Есфири новой царицей. Главное же деяние героини — спасение иудейского народа, которому посвящены последующие восемь глав, осталось за рамками этой первой истории. Такое композиционное решение укрупнило антитезу между двумя женами Ассиура (Артаксеркса), в содержании Книги Есфирь в целом факультативную. В «Благочестивых размышлениях», которыми в «Ста четырех священных историях...» сопровождается первый рассказ, нравственно-психологические характеристики двух героинь, двух цариц, не акцентированные в тексте Священного Писания, еще дополнительно усилены: «Царица Вастия изгоняется из чертогов царских; бедная Есфирь заступает ее место. Видите, как Бог наказует **высокомерие**, возводя смиренных и унижая **надменных**»,¹⁵ — формулирует мораль рассказа Гибнер. Представляется, что композиционным обособлением в «Ста четырех священных историях...» первых двух глав Книги Есфирь в отдельное повествование, а также приведенным комментарием составителя, в котором искусственно смоделировано столь близкое поэтике Достоевского противопоставление гордого и смиренного типов, и обусловлено несколько неожиданное для читателей представление старцем Зосимой библейской истории о спасении юной иудейкой своего народа как «повести» «о надменной Вастии и прекрасной Эсфири».

Характеризуя эту библейскую историю как «повесть трогательную и умильную», Достоевский, скорее всего, передает впечатление от весьма выразительного эпизода, в котором героиня падает в обморок перед Артаксерксом и который в книге Гибнера излагается уже в Истории ХLII

¹⁵ Там же. С. 193.

«О Амани». Вот как этот эпизод, представляющий собою одну из кульминаций психологического сюжета истории Есфири, изложен в «Ста четырех священных историях...».

Царедворец «Аман <...> принял намерение истребить всех иудеев, в государстве находившихся». Он добился от Ассиура, что «вышло повеление, чтоб в известный день истребить всех иудеев. Мардохей (двоюродный брат и опекун царицы Есфири. — Б. Т.), уведав о том, тотчас известил царицу, дабы она испросила помилование единоплеменникам ее. Но никому не позволено было тогда входить к царю; нарушителю сего запрещения смерть угрожала. Если же царь кому-либо из пришедших подавал золотой свой скипетр, тот освобождался от смертной казни. Есфирь не была приглашаема к царю целые тридцать дней».

Это пока еще лишь предварение ключевого эпизода. Далее события разворачиваются так: «Наконец ободрилась и пришла без приглашения, нарядившись во все царские украшения. Царь посмотрел на нее очень гневно, от чего она побледнела и упала в обморок. Но Бог смягчил сердце Ассиура; он прикоснулся к ней скипетром — и Есфирь ободрилась и успокоилась. <...> В это время Ассиур повелел Есфири просить у себя всего, чего она пожелает, и обещал дать ей, хотя бы она потребовала у него половину царства: столько пленился Государь добродетелями и красотой своей супруги!»¹⁶

Во всем повествовании Книги Есфирь нет другого места, которое в большей степени могло бы быть охарактеризовано, как «трогательное и умильное»: ¹⁷ исполненная смертного ужаса, юная героиня входит в покои грозного

¹⁶ Гибнер И. Сто четыре священные истории Ветхого и Нового Завета... С. 194—196.

¹⁷ Показательно, что этот кульминационный эпизод Книги Есфирь стал одним из популярнейших сюжетов мировой живописи. См. полотна Я. Тинторетто (1546—1547; Кенсингтонский дворец, Лондон), П. Веронезе (1575; Лувр, Париж), А. Джентилески (1635; Метрополитен-музей, Нью-Йорк), Н. Пуссена (1654—1655; Эрмитаж, СПб.), Я. Стена (1660-е; Эрмитаж, СПб.) и др.

царя, движимая долгом и сознанием, что никто иной не может спасти ее единоплеменников; под гневным взглядом мужа, запрет которого она нарушила, Есфирь падает в обморок, но, благодаря этой минутной женской слабости (а также Божьему соизволению), Ассуир (Артаксеркс) меняет гнев на милость; больше того — тронутый смятением и обмороком юной супруги, предлагает исполнить любое ее желание.¹⁸ Так для Эсфири открывается возможность добиться помилования своего народа и покарать его гонителя Амана.¹⁹

В своем пересказе Гибнер следует тексту Вульгаты, даже несколько редуцируя драматизм этого эпизода. В славянской Библии крайне выразительно, например, представлено противоречие внешнего вида и внутреннего состояния героини: «...и сия червленѣющися добротою красоты своя, и лице ея ослабляющеся аки прелюбивѣйше, **сердце же ея стenashe отъ страха**». Об Артаксерксе сказано, что он «бѣше страшень зело» и т. п. Добавляет драматизма также и отсутствующая в изложении Гибнера молитва Эсфири, в которой она, «въ подвизѣ смерти обдержима», молит Господа, перед тем как явиться в покои царя, о даровании ей «дерзновенія»

¹⁸ Вастия (Астинь) отказывается явиться на пир по приказанию мужа; Есфирь, напротив, является в покои царя, нарушая его запрет. Такой контраст сюжетных положений как будто тоже способствует тому, чтобы весь библейский рассказ мог быть представлен как «повесть <...> о надменной Вастии и прекрасной Эсфири». Однако сомнительно, что формулировка старца Зосимы обусловлена рефлексией над указанной композиционной особенностью Книги Эсфирь.

¹⁹ Интересно, что большая часть этого эпизода отсутствует в еврейской Библии и считается позднейшей вставкой, появившейся лишь в Септуагинте. Считаясь неканоническим текстом, эта вставка тем не менее включена в состав как Вульгаты, так и славянской Библии, но отсутствует в тексте Библии протестантской. Вот как «пресно» выглядит эпизод без этой вставки: «На третій день Есфирь оделась по-царски, и стала она на внутреннем дворе царского дома, перед домом царя; царь же сидел тогда на царском престоле своем, в царском доме, прямо против входа в дом. Когда царь увидел царицу Есфирь, стоящую во дворе, она нашла милость в глазах его. И простер царь к Есфири золотой скипетр, который был в руке его, и подошла Есфирь, и коснулась конца скипетра. И сказал ей царь: что тебе, царица Есфирь, и какая просьба твоя? даже до полуцарства будет тебе» (Есф. 5: 1—3).

и избавлении «отъ страха моего». Молитва эта читается как монолог героини высокой трагедии.

Старец Зосима говорит в «Братьях Карамазовых» о необходимости чтения народу славянской Библии (другой в середине 1860-х годов, когда происходит действие романа, просто еще не существовало). Конечно же, сам герой-инок, естественно, мог испытывать трогательное и умиленное чувство, читая рассматриваемый эпизод по-церковнославянски. Предположительно, это можно сказать и об авторе «Братьев Карамазовых» (хотя вопрос о том, насколько Достоевский владел церковнославянским языком, является дискуссионным²⁰). Но не подлежит сомнению, что в характеристике, вложенной писателем в уста его персонажа, отразились также и детские впечатления, испытанные Достоевским-ребенком при чтении рассказа об Есфири и Ассуре, воскрешенные, надо полагать, при перечитывании им «Ста четырех священных историй...» в период создания его итогового романа.

Что же касается идеи старца Зосимы о необходимости чтения народу Священного Писания (в том числе и Книги Есфирь) на церковнославянском языке, то представляется, что это одна из наиболее очевидных утопий и героя романа, и его автора. Трогательное и умиленное чувство в сердце простого, не искушенного в книжной премудрости человека скорее мог бы вызвать безыскусный пересказ библейской истории, как он изложен в книге И. Гибнера «Сто четыре священные истории Ветхого и Нового Завета».

²⁰ Находясь в Алексеевском равелине, Достоевский просит брата прислать ему «Библию (оба Завета)», причем сопровождает просьбу указанием: «...если возможно будет прислать, то пришли во французском переводе. А если к тому прибавишь и славянский, то всё это будет верхом совершенства» (Т. 28, кн. 1. С. 158—159). Священник о. Николай (Балашов) так комментирует выраженное здесь писателем предпочтение французского перевода славянскому: «...читать Библию в России первой половины XIX в. людям, получившим светское, а не семинарское образование, обычно и приходилось по-французски: церковнославянский, по многочисленным свидетельствам, был им, как правило, малодоступен» (Балашов Н. В. Спор о русской Библии и Достоевский // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 1996. Т. 13. С. 4).